

НЕКРОЛОГ

РАССКАЗ

Алёна ДАЛЬ
г. Воронеж

Анатолий Зудин пришёл к неутешительному выводу: ни рассказы, ни эссе, ни путевые очерки, ни тем более романы сегодня никому не нужны. Люди перестали читать. Зато рождаются и умирают с завидным постоянством.

Однажды год назад по собственному горячему порыву Анатолий написал некролог на смерть известного в городе телеведущего — когда-то они работали вместе на радио. Текст понравился руководству телеканала, родственникам и друзьям покойного. Некоторые из скорбящих цитировали отдельные строки некролога на поминках, а потом и на похоронах других людей. Поэтому, когда спустя месяц умер глава департамента культуры Сверчков, обратились сразу к Зудину.

Трудно писать на смерть незнакомого человека, но Анатолий с честью справился с задачей. Пришлось, правда, покопаться в архивах,

побеседовать с бывшими коллегами усопшего, задать несколько вопросов сыну, деликатно потревожить вдову, но в итоге получилось блестяще. Обведённые траурной каймой проникновенные строки разлетелись по сети, замелькали в газетах и журналах.

Зудину стали заказывать не только некрологи, но и торжественные оды, юбилейные речи и поздравления. С этим работать было куда приятнее и платили больше. Не успел отгребеть юбилей директора КомДорТранс Юшкина, как потребовалось эффектно поздравить с назначением нового председателя комитета по утилизации. Только настроился Зудин на светлую волну, как умер заслуженный артист Тяпкин. И снова обратились к нему.

Когда заказы пошли потоком, Анатолий придумал специальную форму технического задания, которая освобождала его от ненужной беготни и напрасной траты времени. В ней, по-

мимо основных вех биографии, содержались сведения о детстве, увлечениях, семейных обстоятельствах, чертах характера и непременно о любимой книге юбиляра (покойного). Вот от этой любимой книги Анатолий и отталкивался в подготовке текстов. Очень удобно — всегда можно опереться на классиков, вернуть удачно цитату, да и виновник события неизменно представлял человеком образованным, начитанным, широкого круга интересов. Это был беспроектный ход. Если выяснялось вдруг, что субъект читать не любит (или никогда не любил), то по согласованию с родными избиралась главная и единственная книга, повлиявшая на его судьбу. Но всё равно литературные аллюзии придавали текстам особую глубину и тонкость.

Вскоре сочинительство поздравлений и некрологов Зудин стал воспринимать как отдельный жанр художественной литературы. Ведь есть же романы в письмах, есть мемуары — почему бы не быть сборнику художественных некрологов и поздравлений? И обложка в голове сразу нарисовалась — чёрное и белое, горе и радость...

Сочинение некрологов и поздравлений приносило Зудину стабильный доход — не то что смехотворные гонорары, да и те от случая к случаю. Недописанные рукописи, наброски, заполнившие бездонные ящики письменного стола, скопившиеся в папке «Сырое» файлы перестали интересовать Анатолия. Он несколько раз порывался почистить комп, сжечь пожелтевшие от невыносимо долгого ожидания листы, но не решался сделать это. Работа на заказ повысила самооценку писателя Зудина и улучшила его материальное положение. Наконец-то он стал востребованным мастером слова и популярным в городе человеком.

В тот день Зудин сел за компьютер позже обычного. Накануне на банкете директора драмтеатра его поздравление читали в лицах актёры. А когда пришёл черёд пригласить на сцену виновника торжества, ряды поздравлявших нестройно распались — кто-то пошёл за директором, а молоденькая актриса Ася Чайка

спустилась в зал и вытащила под софиты упирающегося Зудина. Рукоплесканий ему досталось не меньше, чем юбиляру. Потом — банкет, повторное чтение «на бис» панегирика, брудершафт с юбиляром, с Чайкой, с главой департамента культуры... Домой Зудин вернулся под утро. Проспал до обеда — и, выпив шипучего аспирина, подстегнув себя чашкой кофе, принялся разгребать завалы.

В листе ожидания значились заказы: четыре некролога, пять поздравлений и речь по случаю чествования почётного долгожителя города. Анатолий сложил стопку по датам подачи заявок, затем переложил по срокам, в которые нужно уложиться. В итоге решил начать с самого простого — и взялся за речь долгожителю.

В этот момент тренькнула почта — в папку входящих упало письмо. Новый заказ, в теме указано: НЕКРОЛОГ. «5:5 — смерть выровняла счёт», — сумрачно подумал Зудин. Но в следующий момент не мог уже ни о чём думать. В графе «субъект» стояло его имя — Зудин Анатолий Петрович. Дата рождения в точности совпадала. Пискнул мобильный банк — на счёт пришла предоплата 100%, точно по преискуранту.

Что за чёрт? Зудин впился глазами в адрес, с которого пришёл заказ. Он был незнаком и помечен значком «No reply». Анатолий раскрыл бланк анкеты, надеясь высмотреть в нём указание на автора этой возмутительной шутки. Шутник очень хорошо знал Зудина. В графе «любимая книга» стоял заголовок его недописанного, давно заброшенного романа. Издёвка, какая отвратительная издёвка! Затопившее Зудина возмущение на миг перебило все остальные эмоции. Но ладно, поиздевались — деньги-то зачем переводить? Анатолий похолодел, внезапно почувствовав себя под прицелом киллера. Но кто киллер? И кто заказчик?

В конце письма был указан номер телефона, на который следовало отправить готовый некролог. Его и набрал неверными пальцами Зудин.

— Слушаю вас, — прогнусавил незнакомый мужской голос.

— Нет, это я вас слушаю, — взвился Зудин.
— Это вы мне скажите, зачем вам потребовался мой некролог?

— Мне вас рекомендовали как лучшего копирайтера, — вкрадчиво произнёс голос и стал перечислять имена, среди которых Анатолий услышал немало знакомых.

— Да, но вы заказали мне некролог на меня самого!

— Сожалею. Но я всегда заказываю только те некрологи, что значатся в списке Артура.

— Какого ещё Артура? Что вы мне голову морочите? — Зудин стал тяготиться беседой, похожей на разговор двух сумасшедших.

— Как же, вы не знаете Артура? — удивился гнусавый.

— Представьте себе, нет.

— Может, вы и Всеволода Федякина не знаете?

Федякина Зудин знал. Это был его однокурсник, редактор журнала «Бурелом», отказавший Анатолию в публикации рассказа.

— А при чём здесь Федякин? — окончательно смешался Зудин.

— При том, что именно он внёс вас в список.

Говорить дальше не имело смысла. Всё это походило на бездарный первоапрельский розыгрыш. Зудин отключился. Набрал Федякина — телефон редактора был недоступен. «Надо бы деньги вернуть», — пришла мысль. Зудин попытался сделать обратный перевод, но банк отказал, объяснив, что платёж невозвратный.

Гнусная шутка испортила день. Анатолий отложил в сторону бланк по долгожителю и устался в заказ на собственный некролог.

Интересно, что бы он мог рассказать людям о самом себе? Задумался Зудин. Как подытожил бы свою жизнь? Анатолий откинулся на спинку кресла. Возмущение схлынуло. Дымная горечь осознания конечности бытия охватила писателя. Но ненадолго — вскоре тоска сменилась азартом. Это был вызов. Была задета его профессиональная честь — слабо написать собственный некролог? До этого такого не делал никто, а быть первым всегда престижно и выгодно! К тому же луч-

ше него всё равно никто не напишет. А уж кто будет читать, где и когда опубликуют — ему, Зудину, наплевать.

Чтобы настроиться на нужную волну, Анатолий прикрыл глаза и представил картину собственных похорон. Кто придёт? Что скажет? Воображение нарисовало скорбящего Федякина и длинную вереницу других лиц, в разное время отказавших ему в публикациях, во включении в списки и сборники, опрометчиво отмахнувшихся от его рукописей. Были эти лица удручены, полны горького запоздалого раскаяния. В глазах Зудина зашипало. Да, он сделает это! Он напишет. Хотя бы для того, чтобы доказать всем, что он лучший — по крайней мере, в области художественных некрологов.

Но текст не шёл. Нужные слова не находились, а только обида закипала вновь. И переживал он заново все отказы и унижения. И грустил о недописанном. И боялся вернуться к черновику. И страшился неизвестности... Но забвения страшился ещё больше.

Между тем в почтовый ящик падали и падали новые заказы, дзинькал сигнал мобильного банка. Лавина чужих смертей и праздников накрыла Зудина с головой, не оставляя времени подумать о собственной жизни. Анатолий со злостью ткнул клавишу и закрепил на стене крупную надпись: «Приём заказов временно прекращён». Подумав, слово «временно» удалил. Взял сигареты и вышел на улицу.

Зудин пошёл по длинной липовой аллее в сторону alma mater — этот маршрут всегда всплывал в памяти, когда было неясно, куда и зачем идти. Аллея заканчивалась сквером, редкие лавочки которого были до того стары, что казались выросшими из земли вместе с деревьями. В их трещинах, шероховатых искривлениях можно было обнаружить засохшие хлебные крошки, чернильные пятна, истолчённые в пыль листья, пушинки одуванчиков, вырезанные ножом формулы любви.

На одной из скамеек Зудин увидел Нину Фёдоровну Богуславскую — профессора ка-

федры русской литературы, руководителя его дипломной работы. Была она под стать лавке — такая же искривлённая, покоробленная временем. Её давно проводили на пенсию, но Богуславская не сдавалась — до сих пор давала частные уроки и неустанно искала таланты. Зачем она их искала и что с ними происходило потом? Никто не знал. Кажется, и саму Богуславскую не очень-то волновало это «потом», главное для неё было найти. Когда-то и Зудин был выделен ею из сотен других юным талантом, профессорским любимчиком.

Нина Фёдоровна то ли дремала в тени акации, то ли, прикрыв глаза, по обыкновению размышляла о прочитанном, заложив пальцем потрёпанный том. А может, шурилась, пытаясь узнать в случайном прохожем бывшего студента.

— Здравствуйте, Нина Фёдоровна! — остановился возле неё Зудин.

— Толенька, как я рада тебя видеть! — всплеснула руками Богуславская. — Не сразу узнала. Зрение подводит. Присаживайся! — она подвинулась на сгорбленной лавке.

Анатолий сел рядом, стараясь не задеть прозрачной, как крыло стрекозы, шали, трескучего веера, знакомого со времён студенчества.

— Давно мы с тобой не виделись, Толя. — Глаза Нины Фёдоровны близоруко разглядели любимого ученика. — Ну, рассказывай, как твои дела? Что пишешь? Как движется роман?

Зудин заёрзал и отчего-то покраснел.

— Видите ли, Нина Фёдоровна, я сейчас работаю немного в другом жанре.

— В каком же?

— Как вам сказать... Я выбрал прикладной формат. Пишу поздравления, речи, письма, некрологи. Художественные, — добавил Зудин будто бы в оправдание.

Нина Фёдоровна погрузилась.

— Так ты забросил литературу?

— Ну, почему забросил... Просто экспериментирую. Между прочим, художественно написать некролог не так-то просто.

— Я думала, некрологи пишут близкие люди, — рассеянно заметила Богуславская.

— Авторские права принадлежат заказчику — родственнику или другу, но пишу я. Как бы от имени близкого человека.

— Господи, Толя, о чём ты говоришь? Ты можешь себе представить Бунина или Чехова, пишущих некрологи на заказ?

— Но я-то не Бунин и не Чехов, — угрюмо произнёс Анатолий.

Нина Фёдоровна строго посмотрела на него поверх очков.

— Тебе и не надо быть ни Буниным, ни Чеховым. Будь Анатолием Зудиным. Только пиши, а не занимайся всякой ерундой! — Богуславская нахмурилась и шлёпнула Зудина сложенным веером по макушке — точно так, как делала много лет назад, когда одарённый, но нерадивый студент ленился или халтурил. — Я что, зря в эту голову вкладывала самое ценное? Зря старалась?

— Нина Фёдоровна, мне жаль, но сейчас настали другие времена. Всё очень сильно поменялось. Люди перестали читать.

— Это ты мне рассказываешь? — вспыхнула Богуславская. — Да, многие перестали читать. Так пиши для немногих! — она пристально посмотрела на Зудина. — А знаешь, Толенька, по-моему, ты лукавишь. Это ты перестал писать, а сваливаешь всё на людей. «Люди перестали читать» — отличное оправдание для авторов, переставших писать.

Зудин пристыженно замолчал. А ведь по большому счёту Богуславская права. Все его эксперименты, заказы и рекомендации не более чем маскировка творческого бесплодия, трусость и самообман. Всё это от тщеславия, от стремления доказать, что он достоин признания, от нестерпимого желания быть лучшим, быть успешным и знаменитым вместо того, чтобы просто быть.

Некоторое время они сидели молча: Богуславская — устремив невидящий взгляд в книгу, Зудин — думая о десятках ждущих его заказах.

— Я, наверное, пойду, Нина Фёдоровна, — Анатолий встал. — Извините, что не оправдал ваших ожиданий.

— Чепуха! Ты не обязан оправдывать ничьих ожиданий, моих в том числе. Только твои ожидания имеют смысл.

Зудин кивнул.

— И не пытайся обмануть себя, Толенька, всё равно не удастся. Можно обмануть кого угодно, только не себя.

— Я постараюсь, — пообещал Зудин.

Он поспешно простился, сжав в руке сухую ладонь Богуславской. И не видел, как она провожала его долгим разочарованным взглядом.

Анатолий шёл по липовой аллее, как по беговой дорожке. Переставляя ноги, он оставался на месте. Вокруг проплывали деревья, люди, машины, а он был лишён способности перемещаться, хотя исправно отталкивался подошвами от ленты дороги.

Он понял, что писать собственный некролог не станет — нечего пока писать. Не нашёл он ещё на достойный некролог.

Зазвонил телефон.

— У меня пропущенный от тебя, — бодро сообщил Федякин.

— Сева, что за дурацкие шутки? — устало проговорил Зудин, растеряв по дороге весь пыл. — Зачем ты заказал мой некролог? И что ещё за списки Артура? Кто это?

— Темнота! Ты что, правда не знаешь Артура? Вот уж не ожидал! Всегда считал тебя продвинутым. Это новый ресурс ИИ, типа Алисы, только круче! Брошу ссылку.

— А некролог? Зачем ты в список покойников внёс моё имя?

— Ничего я не вносил. Я Артуру только списки опубликованных авторов сливаю, это нужно для электронной библиографии. Кстати, в июльском номере твой рассказ выйдет.

Зудин пропустил новость мимо ушей.

— Ничего не понимаю. А деньги как на счёт попали? — допытывался он.

— Ну, мало ли... Сбоит система, сырая ещё, глючит. Считай это будущим гонораром! Мог бы, между прочим, и поблагодарить, — обиделся Федякин.

— Спасибо, Сева!

— Пожалуйста, Толя!

Вернувшись домой, Зудин увидел в почтовом ящике новое письмо со старой пометкой «No reply», в котором разработчики Артура извинялись за системный сбой и отзывали заказ, а вместе с ним и ошибочно перечисленные деньги. Позвонил и гнусавый бот, тоже извинялся и даже шутил. Бот с чувством юмора — это что-то новенькое!

Весь день просидел Зудин за компьютером. Но не отложенными заказами занимался он, не некрологами и юбилейными речами, а соревновался с Артуром в гениальности. Вбивал бланки заказов, сличал результаты. Усложнял задачу — придумывал заковыристые биографии несуществующих людей, рисовал сложные характеры, экстравагантные обстоятельства кончины. Артур справлялся! Выходило так, что разница между ними невелика. Большинство заказчиков её даже не заметят, не увидят отличий между гениальными строками Зудина и шаблонными, безликими текстами Артура. Ведь заказчики — те же читатели! Что с них взять? Ну не дано им распознать подделку, отличить плагиат от шедевра. Да и нужны ли нынче шедевры?..

Писателю Зудину открылась трагическая реальность: очень скоро некрологи и юбилейные речи будет писать искусственный интеллект, лишив его не только куска хлеба с маслом, но и чувства собственной исключительности. Нет уж, он не будет дожидаться этого! Он уйдёт сам. Уйдёт из мира некрологов и поздравлений с гордо поднятой головой. Только прежде напишет свой некролог.

С сухим треском выдвинул Зудин нижний ящик стола. Острая щепка впиалась в палец, выдавив бисеринку крови. В глубине письменного «саркофага» пылились папки, набитые рукописными листами. Анатолий раскрыл одну из них с пометкой «Часть 1». Перечеркнул старый заголовок — он никогда ему не нравился — и вывел крупно чёрным маркером: «Некролог». Вот новое название его романа, с которым Зудин останется в вечности. Или не останется... Неважно. Но непременно напишет.

ВАДИК И ВЛАДИК

Рассказ

С самого рождения они отличались друг от друга, как и не братья вовсе. Только созвучие имён их и объединяло — Вадик и Владик. Старший — Владик — родился недоношенным, хилым, всё время кричал и требовал без конца грудь. А когда получал, давился молоком и кашлял. И снова орал как резаный. Спать почти не спал, вес набирал с трудом. Нет такой детской хвори, которой не переболел бы Владик, и всё в самой тяжёлой форме, с осложнениями. То ли дело младший — Вадик, явился на свет богатырём, четыре с половиной кило. Сосал серьёзно, обстоятельно, а потом сразу же крепко засыпал. Болячки обходили Вадика стороной, а когда в полтора года он подцепил от старшего ветрянку, то болел всего три дня и бесследно. Владик же навсегда остался рябым на одну щёку. Участковый педиатр сказала, что у младшего мальчика хороший иммунитет, а у старшего — ослабленный. Не только иммунитет у Вадика был отменный, но и аппетит. Что ни приготовь — съедал махом и добавку просил. Рос как на дрожжах. Владик же вечно размажет по тарелке и не доест — сущее мучение!

Так и росли на контрасте. Один — домосед, другого со двора домой не загонишь. Один — бойкий крепыш, другой — долговязый тихоня. Один — в футбол, другой — за книги.

Когда сыновья пошли в школу, расстановка изменилась: Вадик ленился, хватал двойки и замечания, а Владик упёрся — и все десять лет был круглым отличником. Разница между мальчишками была всего полтора года, но матери казалось, что больше — насколько упёрт, не по-детски серьёзен был старший, настолько же лёгок и шаловлив младший.

После школы Владик поступил в университет на филологический — бабский, как счита-

ла мать, факультет, а Вадик, бросив на первом же курсе политех, подался на заработки «на север». Сначала в Мончегорске на шахте работал, потом перебрался в Мурманск, на сухогруз устроился. Поматросил и бросил. Через три года переехал в Пермь. Мать не одобряла кочевой жизни младшего сына, но прощала всё, когда тот приезжал в отпуск. Вадик вёл её в лучший в городе ресторан и угощал деликатесами. Шампанское лилось рекой. Мать сидела нарядная, с лакированной причёской среди весёлых Вадиковых друзей и забывала о плохом — о мотовстве сына, его долгах и забывчивости.

У старшего, как ни приди, — чай с булками да картошка с солёными огурцами. Но что ждать от школьного учителя? Выбрал же сам себе профессию! С его-то мозгами мог бы и дипломатом стать — было б чем матери гордиться. А так.... Правда, с праздниками всегда аккуратно поздравлял и подарки дарил. Впрочем, какие подарки? Так, ерунду всякую: то книжку, то вазочку какую, то поделку своими руками. Словом, не умел Владик жить широко. Даром что медалист. Всё не впрок...

Женился на разведёнке — долговязой Нине, школьной биологичке. Сына её — Костика — принял и на себя записал, отказавшись сдуру от алиментов. Когда учительской зарплаты стало не хватать, подался шабашить — плитку класть. Руки-то у Вадика правильно были пришиты, не в ущерб мозгам. Он и матери частенько помогал — то обои переклеит, то трубы поменяет, не говоря уже о мелочах вроде текущего крана или сломанного замка. Впрочем, рукастость Вадика мать воспринимала как должное: раз умеет — значит, должен.

А вот Вадика с женщинами не везло. То гулящая Ритка прицепилась к нему как банный лист, — насилие отвадила мать такую невесту. То три года прожил с Надькой-пустышкой — бесплодна была, хоть и пыталась родить, но не донашивала. В последний выкидыш чуть сама коньки не отбросила. Как такую в жёны брать? Ещё одна — коммерсантка Ольга из Подмошья — проверку прошла: и забеременела,

и выносила, и родила мальчонку здорового — Альбертом назвали. Но к тому времени Вадик к ней охладел и в жёны не взял. «Ну и что с того? — рассуждала мать. — Раньше надо было Ольге думать, правильный момент для важного разговора выбирать».

Остальных переимённых имён мать не запомнила. Зачем голову себе забивать? Вадик — мужик видный, красавец, весельчак, на гитаре играет — такой без бабы не останется.

— Может, сойдёшься с Ольгой-то, сынок? — спрашивала время от времени Вадика мать. — Алика, внука родного, хоть поняну. Не Владькиного же пасынка баловать.

— Опять ты за своё?! — сердился сын. — Почём мне знать, с кем Ольга сына нагуляла? Жили-то мы порознь, — и, обняв мать за плечи, ласково добавлял: — Всё равно так, как ты, меня никто любить не будет.

Это был запрещённый приём — оба об этом знали. Но один каждый раз применял его, а другая, млея, принимала. После этого следовал давно известный ритуал: Вадик дарил матери подарок — французские духи или цепочку... и просил займы. Долг он никогда не отдавал. А мать каждый раз прощала, жалея Вадюшу за несчастную судьбу, отсутствие семьи и бытовую неустроенность.

Как-то зимой старший, Владик, подцепил пневмонию, просидел на больничном полтора месяца. В школе его заменили практикантом, плиточных заказов не было. Словом, сидел Владик на бобах. Нинкиных денег на прокорм, знамо дело, не хватало, а тут ещё надо было форму для Костика покупать к отчётному концерту в филармонии. Пришёл сын к матери денег занять.

— А ты как собирался жить на учительскую зарплату? — встретила его мать, уперев руки в бока. — Раньше надо было думать, куда поступать! Я тебе сколько раз про МГИМО говорила? Фёдор Львович там ещё работал, мог бы посодействовать. А ты что?! Никогда мать не слушаешь! Всё по-своему!

— Мам, ну ты же знаешь, я хотел в аспирантуру...

— Какая аспирантура?! — перебила его мать. — Ладно, работа нищенская. Но женился-то на разведёнке зачем? Хотя бы алименты получали на Костика! Нет же, и от этого отказался. А я тебя предупреждала!

— Это принципиальное решение, — оправдывался, бледнея, сын.

— Если ты такой принципиальный, что ж за деньгами пришёл?

— Мам, мне всего-то на пару месяцев. Скоро заказы пойдут, я отдам.

— В апреле Вадюша в отпуск приезжает. Ты же понимаешь, мне надо его встретить по-человечески! На вот тысячу. Чтобы к первому апреля вернул! И не вздумай со мной шутки шутить!

Владик постоял задумчиво перед матерью — это было втрое меньше, чем он просил, на форму не хватит, — мотнул головой, развернулся и ушёл.

— Ишь ты! Иди-иди, — кричала мать вслед, — подумай, гордые мы какие!

А когда за старшим захлопнулась дверь, подошла к шкатулке и медленно пересчитала аккуратно сложенные купюры. Ну да, всё правильно: стол накрыть надо, да водочки не абы какой купить, да причёску нарядную сделать — наверняка Вадюша в ресторан её поведёт. «Глянь-ка, денег ему не хватает, — обижалась она на старшего. — Норовистый слишком — вот и не хватает!».

Когда в апреле приехал Вадик, Владик проблемы свои уже решил. Появился крупный заказ по плитке, семья перекаптовалась без займа. К тому же практикант рассчитался из школы раньше срока, и Владика вернули на место.

Старший брат встретил младшего на вокзале, помог донести багаж до автомобиля.

— Всё на «тройке» ездешь? — ухмыльнулся Вадик. — Не надоело? Я себе «Хонду» новую взял.

— Меня устраивает, — сухо ответил Владик. — На дачу мотаться большего и не надо.

— Так ты ещё и огород сажаешь?

— Огородом Нина занимается. А я шабашу в свободное от уроков время.

— И много у тебя свободного от уроков времени?

— Мало, — вздохнул Влад. — Но что делать — семью обеспечивать как-то нужно.

— Неправильно ты живёшь, братан. Надо, чтобы все вокруг тебя обеспечивали. Вот у меня, к примеру, две бабы и обе Галки, — тут мне повезло, в койке не перепутаешь. Одна здесь хлебом-солью встречает, не знает, как угодить-ублажить. Другая — в Перми. Та, что в Перми, постарше, но и побогаче. Эта — стрижёт, та — массаж делает. Эта — шашлыки жарит, та — пельмени домашние лепит. И обе ждут. Понял, как надо? — Вадим назидательно похлопал старшего по плечу и вытащил из кармана плоскую бутылку.

— Каждому — своё, — глухо произнёс старший.

— Это да! — легко согласился младший и отхлебнул виски.

— Вообще-то, мог бы и Ольге помогать. Сын у тебя как-никак растёт, — хмуро заметил Владик.

— Она и сама прекрасно справляется. Три магазина в Мытищах, — Вадик подмигнул и сделал ещё глоток. — Бизнесвумен, понял?

— Как так можно, Вад?! — вспыхнул Владик. — Тебе что, совсем не стыдно? Или ты притворяешься?

— Ба! Да ты мне завидуешь! Сам-то в хомут башку вдел, теперь не выпутаешься. Чужого растишь.

— Не смей! — вскипел Влад и резко затормозил.

Машина остановилась под окнами материнской квартиры. Навьючившись сумками, братья молча поднялись на пятый этаж.

— Вадюша мой приехал! — расцвела мать, бросившись на шею к младшему сыну.

Старшего она даже не заметила.

Шли годы. Владика пригласили в только что открытую, первую в городе частную школу «Интел-степ». Жизнь его круто изменилась. Он смог навсегда оставить все свои шабашки и подработки — платили в «Интел-степ» хорошо. Дети в школе подобрались смышлёные,

пытливые, учиться хотели. Вдобавок директор выдвинул его кандидатуру на премию «Учитель года», и — надо ж такому случиться! — Владик её выиграл. Он смог переселить семью из однокомнатной хрущёвки в приличную трёхкомнатную квартиру в новом микрорайоне. Жена оставила учительство и устроилась на полставки лаборантом в крупный медицинский центр неподалёку от дома. Костик к тому времени оканчивал музыкальную школу по классу кларнета и готовился поступать в музыкальное училище на духовое отделение. Словом, всё у Владика наладилось.

У Вадика — наоборот. Не везло ему ни с женщинами, ни с деньгами. Дважды пытался он жить вместе — раз с коллегой по работе, другой — с соседкой по лестничной площадке. Но всякий раз это заканчивалось ничем.

— Просто я не встретил ещё свою женщину! — объяснял матери сидящий уже Вадик. — Попадаются мне одни корыстные бабы — им бы штамп в паспорт скорей поставить да на моей шее повиснуть.

— Правда-правда, сынок, — сочувствовала мать, подкладывая в тарелку сына кусок мяса покрупнее да повкуснее. — Сейчас такие профурсетки пошли — охомутают враз! Ты уху востро держи!

С деньгами у Вадика тоже не складывалось. Раз — проигрался в карты. Угрозило же его вляпаться в эту историю! И ведь друг пригласил, прекрасно знавший его страсть к покеру. Опоил, раскрутил, обобрал. А ещё друг называется!

Или другой случай — банк подsunул бумажку, где мелким шрифтом такое понаписано, что по ветру пустить можно кого угодно. Сын подписал не глядя — широкая душа! — а потом чуть по миру и не пошёл. Если б не мать. Пришлось дачу старую продать. Срочно пришлось — ну, так ведь и банк ждать не собирался. Натравил на Вадика коллекторов, а это бандиты ещё те! Вынужден был мальчик скрываться. Но дело старое — всё выплатили.

Владик поступил тогда некрасиво — отказался помочь брату. Насупился, как индюк, и

принялся морали читать — жизни учить, вместо того чтобы просто дать денег. Глядишь, и дачу не пришлось бы по дешёвке продавать.

Иногда по вечерам, листая старый плюшевый альбом с чёрно-белыми фотографиями, мать ловила себя на том, что Вадиковы снимки она рассматривает подолгу, нежно гладит и улыбается, погружаясь в сладкие воспоминания. А Владиковы пролистывает быстро, с каким-то раздражением, вспоминая лишь ночной ор и бесконечные болячки. В такие моменты она могла честно признаться себе: да, младшенького она любила больше, чем старшего. Ну и что с того? Сердцу ведь не прикажешь! У Влада и так всё есть, хотя всю жизнь шёл поперёк материнского слова, во всём переречил. Вадюша же, сердечко, никак по жизни устроиться не мог, счастье своё найти. Не везёт парню, и всё тут. Кому же утешить его, помочь, как не матери?

В последний год мать сдала. Младший сын снова поменял работу, переехал из Перми в Кемерово. В родной город, как она ни уговаривала, возвращаться наотрез отказался. Звонить стал редко, разговаривал сухо. Делиться совсем перестал, а ведь раньше они могли часами обсуждать по телефону все несправедливости мира по отношению к его судьбе. Что-то сынок недоговаривал, что-то скрывал — материнское сердце это чувствовало.

Без Вадюшиного внимания мать зачахла и постарела. Не дарил он ей больше французских духов, не водил в рестораны. Незачем теперь было наряжаться, причёску делать, помаду заветную доставать. В редкие дни встреч не знала мать, чем угодить сыночку, куда посадить, что спросить и как ответить.

А к зиме слегла.

— Приведи Алика, Вадюш, — просила она сына, — вырос, небось. Хочу посмотреть на внука родненького — твоя же кровиночка!

Хмурился Вадик, отмахивался — не любил он таких разговоров. Да и признаться не мог, что Ольга запретила ему встречи с сыном, не признав в нём отца. Гордая оказалась.

А другого внука — неродного Костика — больная и сама не звала, всё и так про него знала. Сноха Нина приходила к ней, что-то там приносила в кастрюльках, лекарства на тумбочке оставляла. Да и уходила, ни о чём не спрашивая. Старший, Владик, спрашивал, но всё больше про таблетки и анализы. В душу не лез. Да она б и не пустила...

Одна навязчивая мысль глодала мать с утра до вечера: как вернуть сыновнюю нежность младшего? Как умаслить Вадюшу? Чем вернуть былую привязанность? И она придумала.

— Сынок, а я ведь на тебя всё наследство записала, — призналась она однажды. — Всё как есть твоё будет! Мне ведь недолго осталось. — Ей хотелось вызвать у сына сочувствие, жалость, быть может, слёзы.

— Брось, мам! Ты ещё всех нас переживёшь, — бодро отозвался Вадик, наклонился и обнял её.

Пахло от него шикарной жизнью, дорогими сигаретами, диковинными напитками, чужими женщинами. Мать охватило чувство утраты.

— Вадюша, сберкнижку возьми в комоде, в верхнем ящике, — продолжала она. — На смертное собирала. Ты уж похорони меня честь по чести.

Сын просветлел лицом.

— Как генеральшу похороним, — пообещал торжественно. — Полированный гроб из карельской берёзы, духовой оркестр и поминки закачу такие, что все завидовать будут! — и, спохватившись, добавил: — Но ты, мама, не спеши!

Он шагнул порывисто к старому комоду, с трудом выдвинул перекосившийся ящик и достал из вороха старушечьего белья старомодную книжицу.

— На предъявителя? — уточнил смущённо.

— Да, всё сделала как надо. Девочки в банке подсказали, — она подняла глаза на сына и протянула руки.

Вадик театрально поцеловал одну руку, потом — другую. Наклонился и приник к бледной материнской щеке. «Вот оно — счастье!» — подумала старуха.

— Мне сейчас нужно будет в Кемерово уехать. Работа. А потом...

Что потом — он недоговорил. Пришли Владик с женой и сыном, зашуршали пакетами, загремели кастрюлями. Вадик торопливо поздоровался с братом и его семьёй, попрощался с матерью и ушёл.

В дверях обернулся. Щуплый очкарик Костик мялся у двери, не решаясь подойти к больной бабушке. А та не очень-то и звала. Возлегалась равнодушно на высоких подушках, безучастно подставляла руку — мерять давление. И думала... Думала об утраченном счастье, о несправедливой судьбе-злодейке и чудовищной непохожести двух своих сыновей.

...Хоронил мать Владик. Гроб был самый обыкновенный, сосновый. Обошлись без духового оркестра и пышностей. Поминки заказали в скромном кафе «Фрегат».

Вадик успел с самолёта только к самому захоронению. Он зачерпнул ладонью сухие, красноватые комья глины и швырнул их в яму. Неумело перекрестился, поставил поодаль неказистую корзину ядовито-жёлтых цветов. Постоял несколько минут и пошёл прочь от понурой толпы.

Когда на следующий день в кабинете нотариуса Вадик увидел Ольгу, а вместе с ней гривастого, похожего на него пятнадцатилетнего подростка, то... Нет, не удивился, а отчего-то встревожился. Здесь же сидели брат с женой и приёмным сыном. Вадик впервые обратил внимание на то, что Алик и Костик, кажется, ровесники, но совершенно не похожи друг на друга. Впрочем, какое это имеет значение?

Нотариус монотонно зачитала завещание. Вадик слушал вполуха, не вникая в содержание, — он и так знал, что в нём. Но когда, отложив документ, нотариус достала конверт с последней запиской покойной и предложила кому-то из родственников зачитать её вслух, торопливо выхватил лист. Сейчас он объявит волю матери — и все поймут, как сильно она его любила. Больше всех! После этого он готов был выслушать всё что угодно — любые упрё-

ки, порицания, даже брань. Это всё равно ничего не изменит.

Он суетливо расправил складку на бумаге и прочёл:

— «Если вы читаете это письмо — значит, меня уже нет. Вот моё решение. Вадик, те деньги, что остались после похорон на книжке, все твои. Постарайся потратить их с умом. Владик, у тебя и так всё есть, ты ни в чём не нуждаешься. Помогай младшему брату — у него тяжёлая судьба. Квартиру свою я разделила пополам между внуками — неродным и внебрачным, потому что нормального внука у меня нет. Пусть будет им память обо мне».

Мальчишки переглянулись. Владик покачал головой, даже не повернувшись в сторону брата.

Вадик замер с листком в руке, всматриваясь в белое поле, словно ища продолжения или постскрипtum, но ничего не нашёл. Все встали, молча расписались в каких-то бумагах и один за другим вышли из кабинета. Никто ничего не произнёс — только кивнули холодно, прощаясь. Он был для всех пустым местом. Был он пустым местом и для себя. Только мать продолжала любить его больше всех на свете и оттуда. Даже обманутая и обманувшая продолжала...

ДВЕРЬ

Рассказ

Олег Сергеевич Востриков, ведущий риелтор агентства недвижимости «Фортуна», возвращался с презентации, где застройщик представлял новый жилой комплекс под названием «Мечта». Стандартный «термитник» имел, однако, некоторые отличия от своих бесчисленных двойников: разноцветные двери (уловка маркетологов с претензией на индивидуальность), оснащённость каждой квартиры системой «умный дом», а главное — возможность выбрать виртуальный вид за окном. Новая технология появилась в строительстве

совсем недавно. Вместо обычных оконных рам со стеклопакетами в проёмы вставлялись специальные голографические панели, имитирующие любые виды. Панели сложно настраивались и управлялись со спутника в соответствии с текущей погодой в выбранной географической зоне. Стоили видовые панели недёшево, но застройщик пошёл на риск и не прогадал. Возможность купить двушку с видом на Монблан или студию, выходящую окнами на Лазурный Берег, оказалась востребованной.

Первую очередь «Мечты» сдали на месяц раньше срока. Финансирование шло полностью за счёт компании — пионера рынка. (Имя мы преднамеренно не называем, дабы не быть уличёнными в скрытой рекламе.) Но вторая очередь «Мечты» была заложена с привлечением средств дольщиков. После того как о чудо-комплексе написали в «Строительных ведомостях» и сняли сюжет о заселении почётного жителя города в квартиру с окнами на все четыре стороны света, деньги потекли рекой. Каждый хотел любоваться в окно — кто на Эйфелеву башню, кто на египетские пирамиды, кто на Фудзияму. Нашёлся дольщик, выбравший в качестве законного вида ледяные просторы Арктики, объяснив, что всё остальное он и так видел. Большинство же новосёлов довольствовались имитацией понравившихся картинок, которые несли прямо в офис агентства «Фортуна», владевшего эксклюзивным правом продавать квартиры «Мечты».

Но прогресс не стоит на месте. Вскоре производители голографических панелей объявили о новом изобретении — перепрограммировании настроек. Это означало, что у жителей комплекса «Мечта» скоро появится возможность виды за окном менять. Скажем, надоело глазеть на Эйфелеву башню — пожалуйста, оплачиваешь допсоглашение и следующие два или три года любишься на Биг Бен или Колизей. А можешь выбрать белый песок Сейшел и ту самую выгнутую кокосовую пальму из рекламы «Баунти». Словом, видовое разнообразие жильцам обеспечено.

Новое изобретение нанесло ощутимый удар по туристическому рынку. Мало того, что люди и так в последние годы перестали куда-либо ездить, — разнообразные видеоэкскурсии, заочные путешествия, страноведческие обзоры экспертов подменили собой поездки, к тому же стоили значительно дешевле. Снабжённые виртуальными шлемами, с помощью которых можно и запахи ощущать, и вкусы пробовать, и другие органы чувств задействовать, люди сделались ленивыми и малоподвижными. Сами превратились в «недвижимость». А дома «поумнели» — научились распознавать, что нужнее хозяину.

Но мы отвлеклись.

Итак, после собрания Олегу Сергеевичу вручили ключи от третьего подъезда новостройки. Вострикову предстояло самолично осмотреть объекты — забронированные и пока ещё свободные. По традиции опытный риелтор доезжал на лифте до последнего этажа, после чего наугад открывал некоторые из типовых квартир. Смотреть всё подряд не имело смысла. Да и время Вострикова стоило немалых денег. Конечно, в данном случае соблазн осмотреть забронированные квартиры был велик — не столько квартиры, сколько виды из окон. За свою тридцатисемилетнюю жизнь Олег Сергеевич бывал только в Турции (много раз), в Белоруссии (гостил у родни) и однажды — в Сербии, куда поехал специально посмотреть деревню Кустурицы.

В последние пять лет агентство, где он работал, организовывало корпоративные отпуска своим сотрудникам. С одной стороны, не приходилось ломать голову — куда ехать, с кем, выстраивать маршрут, считать бюджет. С другой — Олег Сергеевич в глубине души тосковал по юношеским путешествиям «куда глаза глядят», лишённым основательной подготовки, а порой и здравого смысла, но полным настоящих приключений. Давно, очень давно риелтор Востриков и другие жители большого города были лишены такой роскоши. Впрочем, особо в ней и не нуждались.

Лифт тренькнул и замер на последнем этаже. Ласковый женский голос пожелал хорошего дня. Громыхая связкой ключей с пронумерованными бирками квартир, Востриков свернул в коридор и открыл первую попавшуюся дверь. Двушка. Ничего особенного — комнаты с датчиками движения, отдельный санузел, «умная» кухня с дистанционным пультом. Стандартная отделка, пресная и скучная. Сделалось душно — Востриков хотел было открыть окно, но вспомнил о панелях. Ручки на рамах были декоративные. Приток воздуха обеспечивал «умный» кондиционер, реагирующий на голос. «Жарко!» — произнёс риелтор в потолок. Тут же ледяной воздушный «душ» окапал с головы до ног, дышать стало легче. Виды на панелях не впечатлили Олега Сергеевича — примитивные картинки из учебника географии. В одном окне высился Эверест, в другом — падала Пизанская башня. Из кухни виднелись безлико лиловые лавандовые поля Прованса.

Сделав пометку в блокноте, Востриков перешёл в другую квартиру. Здесь в просторной студии у будущего хозяина хотя бы присутствовал вкус. Хватило ума «разместить» квартиру целиком в Старой Праге. В одном окне — каштановый бульвар, в другом — двор с ореховым деревом. Ещё одно окно выходит на Карлов мост.

Большинство забронированных объектов представляли собой воплощённые, уныло-однотипные мечты обывателей о замках, горных вершинах, тропических пляжах и прочих недоступных красотах мира.

Свободные же, нераспроданные квартиры поразили Вострикова тесной стерильностью, мёртвыми, тускло светящимися панелями вместо окон. Они вызывали клаустрофобию и больше походили на тюремные камеры. Впрочем, Олег Сергеевич понимал, что это из-за того, что виды из окон пока ещё не настроены. Решено: он будет водить клиентов только в парадные шоурумы и забронированные квартиры, чтобы оградить их от этого, прямо скажем, не располагающего к покупкам впечатления.

Востриков спускался пешком всё ниже и ниже и, кажется, сбился со счёту, на каком он этаже. Лестничные марши сливались в серую ленту, петляли коридоры, вспыхивала «умная» подсветка, рябили в глазах разноцветные двери.

Неожиданно перед ним возникла линиялая синяя дверь с коваными петлями и ручкой в форме львиной головы. «Винтаж!» — догадался риелтор, оценив про себя оригинальность дизайнерского замысла. Всё правильно: театр начинается с вешалки, а квартира — с двери. Однако дверь не была пронумерована, и найти соответствующий ключ в связке оказалось затруднительно. Востриков устался на медную табличку, предназначенную для цифр, но, сколько ни глядел, номера не появилось. Между тем дверь тихонько скрипнула и открылась. Вздвогнув, Востриков опасливо вошёл внутрь.

Это была очень странная квартира. Сперва Олег Сергеевич подумал, что панели стали ставить не только в оконные, но и в дверные проёмы. Потом сообразил, что в этом случае квартиры как бы нет, а только её имитация. Однако на стенах старомодные обои в мелкий цветочек утверждали обратное. Вытертый паркетный пол принадлежал самому что ни на есть реальному жилью, хоть и чрезмерно «со-старенному» стараниями ретивого дизайнера. Нет ни датчиков, ни пультов. Как такое продавать? Ах да, эта уже продана. Из мебели — только антикварный буфет со слюдяными, медового цвета дверцами, кресло-качалка и вешалка с зонтом, кажется, ещё мокрым. Олег Сергеевич подошёл к окну — никаких стеклопакетов, панелей, рамы деревянные, гвоздики торчат. Дёрнул за ручку — фрамуга с сухим щелчком открылась. На бульваре, освежённом только что выпавшим дождём, гуляли люди. Где-то у самого горизонта синела бухта, усыпанная лёгкими лепестками парусов. Запах моря остро зашекотал ноздри и тут же перебил ароматом сдобы. Залаяла собака. Рассыпался беззаботный женский смех.

Востриков понял, что незаметно для себя дошёл до первого этажа, только не понял как. И

что это за квартира такая? Нестандартная. Совсем не «умная». К тому же без номера. «Надо будет завтра разобраться по поводу ключей и нумерации», — подумал риелтор и, захлопнув окно, вышел в коридор. Как только синяя дверь за ним затворилась, на лестничной площадке погас свет. Наверное, что-то со щитком. Олег Сергеевич, привычный к подобным сюрпризам в новостройках, включил фонарик смартфона и выбрался из подъезда на улицу. Во дворе было на удивление сухо. И темно.

Востриков сел за руль электромобиля и только теперь понял, что голоден, что не ел весь день, а пакет из фастфуда давно остыл. Он выкинул его в мусорку и поехал домой, прикидывая в уме, как подороже и побыстрее продать квартиры «Мечты», чтобы приблизиться к своей личной мечте, точнее, к цели.

Жил Олег Сергеевич в съёмной квартире-капсуле. Не обременённый семьёй, не стеснённый вынужденной необходимостью подстраиваться под других людей, он мог позволить себе это. Так было выгодно, а накопленные деньги он пустил в оборот. Дóма Востриков только ночевал и переодевался. «Если уж покупать, — рассуждал риелтор, — то сразу ультрасовременное элитное жильё». Олег Сергеевич присмотрел шестикомнатный пентхаус на девяносто девятом этаже «умного» небоскрёба с вертолётной площадкой на крыше. Повесил картинку визуализации над кроватью и смотрел на неё десять минут утром и столько же перед сном. Года через три можно думать о новоселье, а пока — работать и зарабатывать.

В офисе застройщика, куда Востриков явился на другой день, его претензии по поводу нумерованной винтажной квартиры на первом этаже отвергли. Во-первых, в третьем подъезде дизайнеры ещё не работали. Во-вторых, на первом этаже нет однокомнатных квартир. И в-третьих, нет ключа — нет квартиры. Это аксиома! Отправились проверять вместе с дежурным прорабом. Длинный коридор, разноцветные двери — красная, зелёная, лиловая... Вот и синяя — дверь как дверь, под номером 19. И

ключ имеется. Никаких львиных голов, обоев в цветочек, деревянных рам. Всё строго по проекту — панели с видом на яхт-клуб Ниццы, свободная планировка, датчики и общий пульт у входа.

Олег Сергеевич расстроился, но не сильно. Он просто переутомился: информационный перегруз последних дней плюс недосып, да ещё видеоэкскурсию по Сицилии вчера допоздна смотрел. Надо будет наведаться к своему психологу, подумал Востриков.

Спустя пару дней синяя дверь появилась снова. Во вторник риелтор принял первый задаток за трёхкомнатную квартиру в ЖК «Мечта». В том самом третьем подъезде, на шестом этаже. Панели в ней настроили на греческие острова, в одном окне фигурировал Акрополь — будущий владелец оказался специалистом по Греции и когда-то даже ходил под парусами по Эгейскому морю. Но это было давно. А слабость к синим крышам и волнам, к парусам и древнегреческим мифам осталась. В процессе подготовки сделки Вострикова занесло в частный сектор левобережья. Там находилась контора, монопольно владеющая правом заключать договоры на оформление видовых панелей. Этот посредник был костью в горле застройщика и агентства «Фортуна», но ничего не поделаешь — таковы законы бизнеса.

То ли Сиреневый, то ли Черёмуховый переулок был нужен Олегу Сергеевичу. Но, как назло, сеть не ловилась, а улицы были пустынные — спросить не у кого. Завернув за угол, Востриков оказался под сенью огромного куста тошнотворно пахнувшей черёмухи. Однако указатель свидетельствовал о начале переулка Сиреневого. Но не это несоответствие удивило Олега Сергеевича, а вбитая в деревянный забор знакомая синяя дверь. Всё, как и прежде, — облезлая краска, массивные петли и львиная голова. Только здесь она смотрелась, пожалуй, более органично, чем в многоэтажке.

Востриков обернулся — никого на улице не было. «Бежать бы!» — тоскливо подумал Олег Сергеевич, но вместо этого неуверенно толкнул дверь. Пахнуло морем — он снова ока-

зался в комнате с цветочными обоями и вытертым паркетом. Зонта на вешалке не было. Кресло-качалка чуть заметно колыбалось, клетчатый плед соскользнул на пол. На буфете возле медовой дверцы пузатилась тёмная бутылка. Створка окна была приоткрыта. «Неужели здесь кто-то живёт?» — подумал риелтор. Но первая мысль сменилась другой — тягучей, тягостной: «Кажется, я болен». Хотелось броситься к буфету и прямо из горлышка выпить неведомую жидкость. Быть может, там яд? Или вино? Или лекарство, приводящее в чувство случайно забредшего сюда гостя? Но любопытство пересилило. Появилось странное желание: перелезть через окно и выпрыгнуть туда, на бульвар, — а там будь что будет!

Востриков чуть было не исполнил задуманное, но внезапно зазвонил телефон. И, переключившись на деловой разговор, он не заметил, как погрузился в привычно-обыденное состояние и уже мерил шагами землю, подробно отвечал на вопросы о метраже и техническом оснащении, сроках сдачи и настройке видовых панелей. Пару раз даже повысил голос, что случалось с ним крайне редко. А когда нажал кнопку отбоя, обнаружил себя стоящим под кустом черёмухи возле глухого забора с табличкой «Пер. Сиреневый, д. 1». Хотя никакого дома не было. Как и синей двери, скрывающей (или открывающей?) что-то неведомое.

После визита к поставщику видовых панелей Олег Сергеевич зашёл в аптеку и купил антидепрессанты, которые ему обычно выписывает его психотерапевт. Затем записался на сеанс реабилитации в Центр психологической разгрузки. Сделав это, он успокоился и продолжил методично выполнять запланированное на день.

После встречи с синей дверью Вострикова охватило неслыханное везение. Он не успевал заключать договоры и принимать задатки на квартиры в жилом комплексе «Мечта». Третий подъезд был весь распродан. Вострикову дали четвёртый. Олег Сергеевич установил абсолютный рекорд продаж за все годы существования «Фортуны» — двадцать семь сделок в месяц!

Хотя, если рассуждать логически, дело, конечно, не в двери, а в накопленном Востриковым профессиональным опыте, в тренингах и семинарах, на которые он не жалел денег, в сарафанном радио довольных клиентов, в безупречной репутации, формируемой по кирпичику за долгие годы упорного труда. Ну и, наверное, «Фортуна», в которой он честно отработал девять лет, повернулась к нему наконец лицом.

Востриков не мог припомнить, когда ему так везло. Пожалуй, «умный» пентхаус на девяносто девятом этаже мог воплотиться в жизнь гораздо раньше намеченного — не через три года, а через год. Вот что значит правильное целеполагание и грамотные инвестиции!

Однако с каждым днём радость Олега Сергеевича тускнела. Чудовищная усталость омрачала грандиозные успехи и достижения ведущего риелтора. Вострикова перестали трогать косые взгляды завистников, круглые цифры банковских счетов, доли рынка и новые скидki застройщиков.

31 марта Олег Сергеевич вошёл в синюю дверь прямо в офисе агентства «Фортуна», где задержался допоздна. По своему обыкновению он готовил документы для завтрашней сделки, не смея покинуть рабочего места, пока не обведён в кружочек последний пункт списка дел. Кроме него, в офисе никого не было. Дверь открылась в стене переговорной, под часами, которые тут же остановились. Вострикова давно перестала удивлять непредсказуемость двери, мелкие перестановки в скучном интерьере странной комнаты. Окно по-прежнему дышало морской свежестью и чем-то ещё — вкусным, желанным, с чем с каждым разом всё труднее было расставаться.

За месяц «дверных свиданий» Востриков вспомнил, что когда-то уже жил в этой комнате. Дремал, закутавшись в плед, на кресле-качалке, пил из пузатой бутылки. Слышал голоса за окном, переливчатый женский смех. Вдыхал аромат свежей выпечки, на время перебивающий терпкий запах залива... Вот только когда это было? И точно ли с ним?.. Что это за море синее там, вдали?.. И что за город?..

Вострикову захотелось выяснить это немедленно — он перемахнул через подоконник на улицу. Олега Сергеевича охватило пьянящее чувство свободы. Он сдёрнул с шеи ненавистный галстук, расстегнул пуговицу. Востриков шёл по улице, упруго толкая подошвами буристую землю, подставляя лицо под ультрафиолетовые стрелы, жадно рассматривая всё вокруг. Люди приветливо улыбались ему и махали руками. Женщина в белом протянула риелтору булочку в сладкой пудре. Он благодарно кивнул и вонзил зубы в сладкую пуховую мягкость. Ничего вкуснее он в жизни не пробовал! Где-то вдали зазвонили колокола...

Неожиданно для себя Олег Сергеевич вдруг почувствовал, что не хочет отсюда уходить. Что совершенно охладил к элитному шестикомнатному пентхаусу и к самому небоскрёбу, наспигованному «умными» новшествами. Да и к работе риелтора, к бесконечным продажам и гонке за успехом. Он отчётливо понял, что никакие видовые панели, имитации и обновляемые настройки не смогут заменить эту звонкую синь, рваный ветер с моря, это безразмерное пространство внутри и вокруг. Что маленькая комната с цветочными обоями ни-

сколько не стесняет его свободы. А перед ним — весь Мир, добрый и открытый, а главное — настоящий! И что он будет сам его открывать и исследовать!

Востриков осознал, что вот это и есть его настоящая Мечта, которую он чуть было не упустил, не просмотрел в погоне за рафинированным совершенством, стандартным счастьем. И если бы не синяя дверь, возможно, никогда бы о ней и не вспомнил.

В тот день Олег Сергеевич Востриков из-за синей двери не вернулся. Больше его никто не видел. Поиски результатов не дали. Невостребованные вклады отошли банку. Бронь на шестикомнатный пентхаус на девяносто девятом этаже «умного» небоскрёба сняли. Очень скоро все позабыли удачливого риелтора агентства «Фортуна» и его рекорды продаж.

Синяя дверь с выцветшей краской, коваными петлями и львиной головой вместо ручки больше не появлялась. По крайней мере, в том городе, где строится сейчас двадцать седьмая очередь жилого комплекса «Мечта». Или двести семьдесят седьмая? Точно не помню.

Алёна ДАЛЬ

родилась в Воронеже. Прозаик, публицист.

Автор книг прозы «Хождение по Млечному пути»,

«Живые души», «Жизнь начерно». Публиковалась в журналах

«Москва», «Нева», «Наш современник», «Роман-газета»,

«Подъём», «Север», «Нижний Новгород» и мн. др. Лауреат

международного конкурса «Книга Года», премии

им. Ю. Н. Куранова, неоднократный лауреат международного

конкурса «Русский Гофман» и др.

Член Союза писателей России.

